

**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ,
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ**

УДК 159

В. А. Толочек <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Часть 2

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, тема № 0138-2021-0010 «Регуляция социального взаимодействия в условиях удаленной работы»

Для цитирования: Толочек В. А. Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Часть 2 // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 3 (120). С. 72-86. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-72-86

Взаимосвязи состояния методологии психологии, метода, предмета, технологий проведения исследований, объяснения полученных результатов отмечаются учеными на протяжении более чем столетия. Изучение феномена «ситуация» как важного фрагмента реальности предполагает переход к новым «системам координат» описания, обращения к новым ресурсам методологии, методического инструментария, понятийного аппарата. Используя несколько критериев – классы задач, доминирующие методы, зрелость методологии, научные традиции, – можно выделить типы научно-исследовательских работ (НИР): экспериментальные исследования, естественные эксперименты, пилотажные исследования, полевые исследования. Четыре типа представляют собой континуум возможности и ограничений управления психологом условиями проведения НИР. Рассматриваются «простые схемы» НИР и «сложные схемы».

В новых исторических условиях, наряду с «методами» дисциплины, важную роль должны играть новые составляющие теоретического знания (включающие понятия «ситуация», «взаимодействия», «пространство», «среда (окружение)» – как отражающие моменты динамичности фрагментов социальной действительности). Онтологически «ситуации» представляют собой континуум актуализированных «единиц» реальности – от упрощенных условий лабораторных экспериментов до предельных «трудных жизненных ситуаций». Концептуально «ситуации» есть последовательности актуализируемых в процессах жизнедеятельности людей комплексов условий; есть отражения многомерности состояния, функционирования и эволюции реальных эмпирических объектов. Функции сложных схем НИР состоят в воссоздании многомерной сложной реальности – «ситуации», тогда как задачи простых схем – предельное упрощение состояний обследуемых объектов и их отношений с окружением.

Ключевые слова: методология дисциплины, методы, предмет, ситуация, типы НИР, полевые исследования, диагностика, проблемы, вопросы.

**GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY,
PSYCHOLOGY HISTORY**

V. A. Tolochek

Field research methods and methodology: open questions. Part 2

The relationship between the state of the methodology of psychology, the method, the subject, the research technologies, the explanation of the results obtained have been noted by scientists for over a century. The study of the «situation» phenomenon as an important fragment of reality presupposes a transition to new «coordinate systems» of description, an appeal to new resources of methodology, methodological tools, and conceptual apparatus. Using several criteria – classes of problems, dominant methods, maturity of methodology, scientific traditions – it is possible to distinguish types of research work (R&D): experimental research, natural experiments, pilot studies, field research. The four types represent a continuum of possibilities and limitations of the psychologist's control over the conditions for conducting research. The «simple schemes» of scientific research and «complex schemes» are considered.

In new historical conditions, along with the «methods» of the discipline, new components of theoretical knowledge (including the concepts «situation», «interaction», «space», «environment (environment)» – as reflecting the moments of dynamism of social reality fragments) should play an important role. Ontologically, «situations» represent a continuum of actualized «units» of reality – from simplified conditions of laboratory experiments to extreme «difficult life situations». Conceptually, «situations» are sequences of complexes of conditions that are actualized in the processes of human life; there are reflections of the multidimensionality of the state, functioning and evolution of real empirical objects. The functions of complex R&D schemes are to recreate a multidimensional complex reality – a «situation», while the tasks of simple schemes are to extremely simplify the states of the examined objects and their relations with the environment

Keywords: discipline methodology, methods, subject, situation, types of research, field research, diagnostics, problems, questions.

Введение

Взаимосвязи состояния методологии дисциплины, понимания ее метода, предмета, технологии проведения актуальных исследований, объяснения полученных результатов отмечались и отмечаются учеными уже на протяжении более столетия. Даже в масштабе дисциплинарной методологии далеко не все «общепризнанно». Даже при строго заданных условиях диагностики, при наличии мощных административных ресурсов методологические и методические проблемы остаются и воспроизводятся в разных масштабах НИР [Мазилев, 2017; Толочек, 2021]. Одним из наименее разработанных вопросов психодиагностики выступает вопрос «*ситуации*». Вопросы диагностики, а шире – научных исследований в пространстве-времени современных организаций переводят эти сложности в статус «проблем в квадрате», «проблем в кубе». Цель нашего исследования: историко-теоретический анализ методологических, методических и организационных аспектов проведения научно-исследовательских работ (НИР) в современной организации. *Методы*: анализ научной литературы, психодиагностика, рефлексия опыта научной и практической работы в современных организациях.

1. Полевые исследования как историческая доминанта НИР рубежа XX-XXI вв.

1.1. Полевые исследования как главная фактуальная база дисциплины

Исторически психология выростала из опыта философской рефлексии, из опыта наблюдений за людьми и животными, использования самонаблюдения, простых сенсомоторных проб. Результаты этих испытаний фиксировались *однозначно*; участие в них было *добровольным*; все процедуры рассматривались как ответственно и честно выполняемые (достаточно вспомнить опыты Г. Эббингауза, Н. Н. Ланге). С развитием дисциплины расширялся арсенал ее методов и классы решаемых задач; до второй половины XX в. про-

фессиональных психологов было сравнительно немного, обследуемыми в подавляющем большинстве выступали лица с невысоким уровнем образования и профессиональной квалификации. Середина XX в. в отечественной психологии была сравнительно бедна на эмпирические исследования (за исключением возрастной и педагогической психологии). Со второй половины XX в. опыт отечественных психологов расширялся, в том числе в процессах обследования персонала предприятий, организаций, силовых структур. Как научные, так и практические задачи чаще формулировались упрощенно, как выбор одной из альтернатив: рабочая гипотеза принимается/отклоняется, кандидат на работу (в резерв на выдвижение) пригоден/непригоден и т. п.

Со второй половины минувшего столетия многое изменяется в условиях проведения научно-исследовательских работ (НИР) и научно-практических работ (НПР). Психология становится массовой профессией (следовательно, знания о ее методах, содержании методик и ключей распространяются и становятся доступными широкой аудитории); методы психологии используются в разных сферах деятельности; репертуар методов расширяется, но по-прежнему основывается на немногих базовых положениях; образовательный уровень обследуемых возрастает; социальные последствия взаимодействия психологов с обследуемыми возрастают и в ряде случаев становятся определяющими для последних (в ситуациях профессионального отбора, формирования резерва на выдвижение и т. п.). Объяснимо, что поведение обследуемых и их реакция на психодиагностику уже не остаются «однозначными». По мере расширения корпуса психологов расширялись и сферы их интересов; задачи НИР и НПР формулируются более свободно, гибко, широко; все большую долю уже занимают так называемые пилотажные и поисковые исследования. Если, используя несколько критериев – классы задач, доминирующие методы, зрелость методологии,

научные традиции, – сделать попытку выделить качественно различающиеся типы научных исследований, то таковыми можно считать *экспериментальные исследования, естественные эксперименты, пилотажные исследования, полевые исследования*. Четыре типа представляют собой своего рода континуум возможности и ограничений управления психологом условиями проведения НИР, возможности повторения, проверки, оценки меры влияния разных факторов, возможности противодействия со стороны других людей.

По-прежнему в психологии остается предельно важным класс *экспериментальных исследований*, в которых основные методы – эксперименты, где вопросы ученых, формулируемые как гипотезы, сводились к альтернативам «да»/«нет». Но таковыми выступают вопросы принципиального плана, призванные определиться в научной позиции, в надежности данных, программ НИР, в перспективах дальнейших исследований («быть или не быть?»). Эксперименты долго готовятся, формулировка их задач подготавливается эмпирическими данными предшествующих массовых, часто независимых исследований, продолжительной широкой научной дискуссией. То есть это случаи предварительных продолжительных и обстоятельных научных поисков, максимальной формализацией накопленных знаний, требующих четко оперирования понятийным аппаратом.

Соответственно, *эксперимент* как метод научного познания характеризуется 1) «вызреванием» научных проблем (кристаллизацией нескольких научных подходов; устойчивым равновесием аргументов «за» и «против» в отношении каждой из альтернатив); 2) максимальной формализацией единичных «зависимых» и «независимых» переменных; абстрагированием от многих условий социальной действительности; 3) длительностью подготовки; 4) решением задач в упрощенных, обедненных, «рафинированных» условиях пространства-времени научного или учебного заведения; 5) привлечением искусственно организованной выборки (часто неэквивалентной по многим признакам тем социальным группам, в отношении которых могут и должны в последующем разрабатываться социально-психологические технологии). Для сравнения, другой класс НИР, условно называемый нами «*полевые исследования*», явно различается его характеристиками выступают 1) быстрота генерирования замысла, спонтанность в формулировании задач; 2) поисковый характер отбора референтных признаков из множества исходных, эмпирически выделенных; 3) опе-

ративность и гибкость планирования, организации и проведения сбора данных; 4) сбор данных в «поле» (на «площадке» иных организаций); 5) формирование и выборки из числа сотрудников организации; краткость знакомства с ними; согласования списков обследуемых с администрацией.

К отдельному промежуточному классу можно отнести «*естественные эксперименты*» («натурные»), проводимые по четкой программе с членами естественных контактных социальных групп в их обычной среде, в их привычном пространстве-времени (например, с учениками в их учебном классе). С одной стороны, здесь есть немногие фиксированные задачи и фиксируемые «зависимые» и «независимые» переменные, с другой – исследователь открыт для учета возможного влияния ряда косвенных условий, часть из которых он может контролировать; возможности контроля поведения и деятельности обследуемых значительны, но не безграничны (по времени, по этическим основаниям и пр.). Для сравнения в выделяемых нами «*полевых исследованиях*» имеет место воздействие множества условий (лишь часть из которых своевременно рефлексирована и может быть определена), возможности управления этими условиями минимальны, практически отсутствуют возможности повторения, исправления ошибок, оперативной проверки получаемых результатов.

К еще одному промежуточному классу НИР отнесем *пилотажные (пилотные)* и *поисковые* исследования. Напомним, что их особенностью выступают формулирование узких единичных задач и фиксация внимания на «деталях», на небольших частях предстоящего исследования – выделяются частные задачи, анализируются критерии и параметры оценки поведения и деятельности небольших групп людей, выбираются удобные время и место проведения, в распоряжении психолога находится контролируемая им выборка обследуемых, оцениваются возможности инструментария, диапазоны и мера погрешности в пограничных областях, формулировки и число вопросов и т. п. С одной стороны, этот класс НИР характеризуется четкими задачами и критериями оценки, с другой – возможностью управления ключевыми условиями (время, место, выборка и др.); концентрация на частных задачах уже минимизирует влияние разнородных условий окружения. Для сравнения, если в пилотажах вопросы методологии как бы отступают на второй план ввиду смещения задач на «технические», частные аспекты, то в полевых исследованиях они приоб-

ретают решающее значение (даже когда прямо не артикулируются, но всегда присутствуют латентно – в формулировании предмета, задач, выборе методов и пр.). Если в пилотажных исследованиях «позволительно» долго и многократно уточнять, перепроверять, апробировать разные варианты решения задач, которые не влияют друг на друга, то в полевых все сразу «пишется набело»; возможности исправить допущенные ошибки минимальны; все фрагменты работы сразу же интегрируются и проявляются в общих эффектах.

К важным особенностям и преимуществам четвертого типа НИР отнесем большую свободу, спонтанность, быстроту проведения, а также *проявление* не учитываемых ранее условий в отдельных фрагментах, но учет их влияния во многом зависит от открытости опыту исследователя. Подчеркнем, что здесь – в большом ряду воздействующих условий и процессов – в постановке задач, их формировании, в выборе методики, поиске подходящей выборки, проведения исследований на «чужих площадках» не всегда при доброжелательном отношении обследуемых, – многое определяется косвенными факторами. Опыт и квалификация самих психологов также находится в широком диапазоне; не очевидно, что все сложные задачи, требующие оперативного решения, решаются своевременно и безупречно. Можно утверждать, что исторически появился и становится, пожалуй, самым массовым особый тип НИР, сопряженный с множеством «неизвестных» – условий, управлять которыми психологу крайне сложно или невозможно. Этот класс *«решения задач со многими неизвестными»* мы и будем называть *полевыми исследованиями*; наш опыт *рефлексии* множества факторов, определяющих их успешность, назовем *методы и методологию полевых исследований*. И если в исторически «доминирующих» экспериментальных исследованиях не были и не могли быть представлены все базовые условия жизнедеятельности людей, то с развитием дисциплины социальный запрос на полноту и адекватность представленности таких условий явно возрастает.

Сопоставляя два противоположных класса НИР (*экспериментальные исследования* и *полевые исследования*), можно добавить замечания о параллельных изменениях условий социальной среды, с одной стороны, с другой – в организацию НИР «включаются» новые фазы, частные задачи, посредники. Соответственно, между *первым* этапом *полевых исследований* – генерированием замысла и разработкой программы, *вторым* – уточ-

нениями отдельных задач, методик, выборок, инструкций и пр., и завершающим, *четвертым* – разработкой социально-психологических технологий, – может и должен быть *третий* – технологии (методология и методы) проведения *полевых исследований*. Это класс задач содержательно близкий тому, что в военном деле называют рекогносцировкой, в разработке сложной техники – испытаниями, в психологии – пилотажем. Это класс задач по уточнению границ необходимого, достаточного, возможного, определения диапазона эффективности научного инструментария, надежности его использования в экстремальных условиях (отличной от одноименной психометрической характеристики, устанавливаемой в благоприятных стандартных условиях).

Однако, несмотря на наличие множества «неизвестных», в реальных полевых исследованиях часто используются предельно простые схемы НИР (условно назовем это «фактами повседневности»). *«Простые схемы»* в сочетании с проблемой объяснения в психологии [Ананьев, 2001; Мазиллов, 2020а, Мазиллов, 2020б; Юревич, 2006, 2010] создают крайне сложные сплетения разрозненных составляющих научного познания. Выделяя как особый класс *«полевые исследования»*, отметим и их важные отличия в плане выделяемых методологами типов рациональности (метапарадигм) – классической, неклассической, постнеклассической (см. ниже).

Если к упомянутому выше добавить тему влияния мощных междисциплинарных трендов (глобализация, виртуализация, big data), а также тему исторических тенденций эволюции дисциплины – обращение ко все более сложным фрагментам реальности и комплексным конструктам (жизнеспособность, профессиональные деструкции, деформации, выгорание, нестабильная занятость, полисубъектные общности и др.), нужно признать, что мы вступаем в новые отношения с действительностью, что сложные фрагменты действительности едва ли можно изучать посредством крайне простых схем НИР, пусть и оправдывавших себя в продолжение XIX и XX вв. Словом, оснований для философского осмысления нашей действительности предостаточно, как и оснований для методологического анализа новых условий и технологий наших поисков.

1.2. Простые схемы НИР как «норма»

Наиболее часто в настоящее время в полевых исследованиях используются предельно простые схемы НИР. Признаем их как нашу обыденность, как реальность, как «факты повседневности». В

качестве иллюстрации приведем типичные формы гипотез: 1. Объект A обладает свойствами a (иначе, a принадлежит A , или $a \in A$). 2. Объект A отличен от B ; некоторые свойства двух объектов различаются – a отличны от свойств b ($A \neq B$, $a \neq b$). 3. В процессе роста (развития) объекта A его свойства a_1 , a_2 , a_3 изменяются (иначе, $A_1 \neq A_2 \neq A_3$, соответственно, $a_1 \neq a_2 \neq a_3$). Приведем и типичные образцы постановки научной проблемы. Объект A_1 изучали ученые B и C ; первый показал, что A_1 характеризуется свойством v , второй ученый – что свойством c . Мы изучали A_1 . Подтверждено, что A_1 обладает свойствами v и c ($v, c \in A$). Объект A_2 изучали ученые B, C, D, E . Они выделили свойства v, c, d, e . Мы изучали A_2 . Подтверждено, что A_2 обладает свойствами v, c, d, e ($v, c, d, e \in A$).

При использовании простых схем исходные положения содержат лишь ранее выявленные перечни признаков объекта; в таких НИР следствия и выводы часто самоочевидны. Но и при такой самоочевидности выводов ни совпадение результатов независимых исследований, ни различия выводов почти ничего не добавляют в актив дисциплины и ничего не отрицают, границ адекватности научных концепций не устанавливают, верификацию чужих и фальсификацию (по К. Попперу) своих концепций не проводят. При сопоставимости исходных посылок и результатов независимых исследований «допустимы» противоположные следствия и выводы. Например, согласно 1-й схеме НИР встречаются следующие варианты интерпретации: «Деятельность сотрудников АВС сопряжена с экстремальными условиями. Следовательно, в процессе спонтанного и целенаправленного отбора в этой профессии остаются и реализуются как профессионалы лица, отличающиеся эмоциональной устойчивостью, хорошей саморегуляцией эмоций и поведения и т. п.». Но возможны и иные констатации: «Деятельность сотрудников ВСД сопряжена с экстремальными условиями. Следовательно, в этой профессии имеют место выраженные проявления профессионального выгорания, деструкций и т. п.». Так как при обращении к простым схемам чаще используются разные методики для подтверждения рабочих гипотез, полученные результаты можно интерпретировать крайне широко; при тождестве «исходных посылок» допускаются разные следствия и констатации.

То же имеет место и при 2-й схеме НИР – она также допускает разные самоочевидные интерпретации: мужчины отличаются от женщин, успе-

вающие учащиеся отличаются от неуспевающих, более опытные субъекты – от менее опытных, более успешные – от менее успешных; интегральная индивидуальность (ИИ) мужчин отлична от ИИ женщин, профессиональный менталитет русских отличен от менталитета немцев (французов, японцев) и т. п. При этом обычно отличия, согласно статистикам, констатируются лишь по отдельным параметрам, количественно они чаще незначительны и не требуют радикального изменения сложившихся форм профессиональной деятельности, обучения и пр. Использование 3-й схемы также оставляет простор для разных интерпретаций, но и здесь выводы не выходят за пределы тривиальных констатаций. Во всех случаях результаты НИР де-факто сводятся лишь к констатации – два априори разных объекта различаются по некоторым признакам (здесь же заметим – между любыми двумя социальными объектами всегда есть различия).

Итак, простые схемы НИР мало добавляют в актив дисциплины. С одной стороны, нами обычно используются простые схемы НИР, с другой – мы все чаще обращаемся к изучению сложных, многосоставных, комплексных социальных объектов, выступающих в качестве предмета исследования (менталитет и ментальность, жизнеспособность, благополучие, качество жизни, удовлетворенность жизнью, карьера и др.). С одной стороны, мы используем сравнительно простые типовые объекты (учебные группы школьников, студентов), с другой – притягаем на выход на предмет исследования, не вмещающийся в рамки базовых простых конструкторов (самореализация, личностное развитие, интегральная индивидуальность, потенциал, жизнеспособность и пр.).

Итак, простые схемы НИР, в том числе в полевых исследованиях, стали фактами реальности, «фактами повседневности». Но они едва ли приближают нас к решению «основной, конечной, теоретической задачи психологии» – «раскрытию специфических психологических закономерностей» [Рубинштейн, 1999, с. 32]; обращение к простым схемам чаще ограничивается констатацией отдельных различий между двумя объектами. Одной из причин чрезмерного доверия простым схемам назовем высоким статус метода как базового элемента научной дисциплины на протяжении XIX и XX вв. Высокий статус метода поддерживается характерными для «классической парадигмы» представлениями ученых о стабильности фрагментов действительности, безусловно-сти полученных результатов. В XXI в. многое из-

меняется. И если на протяжении XX в. в работах даже крупных ученых почти не встречаются критичные замечания об ограничениях метода, выборки, модели, дизайна НИР, то в XXI в. чаще и чаще встречаются констатации того, что «все изменчиво» и нет ничего устойчивого, что «мы вступили в мир VUCA» (VUCA – аббревиатура от англ. volatility, uncertainty, complexity and ambiguity / ‘нестабильность’, ‘неопределенность’, ‘сложность’ и ‘неоднозначность’).

1.3. Возможные перспективы эволюции структуры НИР в дисциплине

Даже не подчиняясь очередной научной моде и информационно-технологическим трендам (глобализация, цифровизация, виртуализация, big data и пр.), мы должны признать признать, что уже сам факт глубокого вхождения в нашу жизнь персональных компьютеров, их возрастающая мощность, наличие удобных пакетов статистических программ, быстрота проведения статистических расчетов многое изменили и изменят в нашей жизни, и в планировании, организации и проведении НИР, в частности. Одной из очевидных перспектив видится все более возрастающее и в обозримом будущем массовое обращение психологов к оперированию большими массивами эмпирических данных. Возможности оперирования такими массивами возрастают. Так, если в 2008 г. в отношении big data выделялись три критерия – «три V»: объем (англ. volume, в смысле величины физического объема), скорость (velocity – скорости обработки и получения результатов), многообразие (variety – возможности одновременной обработки различных типов структурированных и полуструктурированных данных), то десятилетие спустя уже выделяют до восьми критериев – «восемью V»: к названным выше также добавляются достоверность, жизнеспособность, ценность, переменчивость, визуализация (veracity, viability, value, variability, visualization); надо полагать, что это не предел возможностей информационных технологий.

Вероятно, что и в границах нашей предметной области мы также научимся извлекать много больше ценной информации из ранее полученных массивов; что мы будем все чаще повторно обращаться к единожды используемым массивам; что начнут складываться формы совместной деятельности и даже специализации в анализе, интерпретации данных, объяснении полученных результатов. Следствием этого станут возрастание временных интервалов между сбором эмпирики и ее анализом; увеличение дистанции (физической,

психологической) между исследователем и обследуемыми; появление типов ученых, прямо не взаимодействующих с обследуемыми (следовательно, не знающих, недооценивающих, недопонимающих множество важных обстоятельств, сопровождающих непосредственные взаимодействия людей в процессах психодиагностики, опросов, бесед), не знающих им «цены». Следовательно, можно ожидать возрастание доли ученых, игнорирующих то, что до настоящего времени и составляло сущность изучения поведения и взаимодействий людей; что люди, далекие от науки, все еще вкладывают в понятие «психолог». Между тем как новые реалии (компьютер, статистические пакеты, появление новых журналов и эпизодических изданий) будет способствовать дальнейшему росту числа научных публикаций. Научные приоритеты, критерии научности будут изменяться; в обозримом будущем академическая психология как дисциплина станет иной. В каких-то аспектах психология будет более глубоко и точно отражать действительность (скорее, в отношении состояния и динамики крупных социальных объектов, массовых явлений), в каких-то аспектах (скорее, в отношении единичных и уникальных явлений) – начнет терять восприимчивость к отдельным фактам, «деталям», «моментам», людям, к конкретному, «живому» человеку.

Могут ли быть конструктивные альтернативы, способствующие дальнейшему развитию дисциплины, ее приближению к пониманию сложных явлений как уникальных, неповторимых, невозвратных? Рассмотрим возможные пути нашей эволюции – возможности расширения и развития типовых схем исследования.

2. Эволюция социальных объектов сложных схем НИР: возможности и ограничения

Тезис об исторической эволюции социальных объектов едва ли нуждается в развернутой аргументации. Его косвенным подтверждением выступает параллельное усложнение научных задач, в том числе – в отношении особенностей выделения предмета исследования (часто комплексных объектов, в отношении которых «общепринятого» определения нет, а дискуссии продолжаются на протяжении десятилетий). Признаем, что традиционные варианты НИР, названные нами «простыми схемами» (предполагают использование лишь методов одного класса – обычно опросников и анкет, оперирование лишь однолинейными и плоскостными срезами эмпирических данных, полученных посредством одного типа методик при элиминации других возможных «проекции»

фрагментов социальной действительности), имеют серьезные ограничения. Рассмотрим ряд типовых задач, ситуаций проведения НИР (совокупности условий, поведения обследуемых и пр.), сопровождающих реальные полевые исследования.

2.1. Сопротивление отдельных обследуемых и возможности шкал измерения

Широко используемой отечественными психологами является 5-балльная «шкала Р. Лайкерта» [Likert, 1967]. Обратим внимание на обычную «прозрачность» пунктов наших анкет и опросников, бланковых методик в целом. В случае осторожного поведения обследуемого мы имеем «эффект края», и 5-балльная шкала фактически становится 3-балльной; при сопротивлении испытуемых остаются лишь два варианта его ответа – «ответить»/«уклониться», то есть де-факто мы используем 2-балльную шкалу, шкалу порядка. Последующее использование параметрических методов статистики неправомерно. На уровне концептуального осмысления вопросы возможностей и ограничений «шкалы Лайкерта» в последние годы активно обсуждаются в зарубежной психологии как в плане размерности интервалов (5-7-10-балльные шкалы), так и содержания «пунктов», правомерности их объединения, статистических методов анализа «данных Лайкерта» [Carifio, 2007; Jamieson, 2004; Liddell, 2018; Lubke, 2004 др.].

Вернемся к особенностям полевых исследований. Достаточно распространенное явление (диффузное сопротивление отдельных обследуемых, их уклонение, избегание прилежного соблюдения процедур диагностики) можно считать легкими формами нежелания человека (назовем его «*субъект 2*») сотрудничать с диагностом (будем именовать его «*субъект 1*»). Последнее сравнительно легко преодолевается обращением к более дифференцированным шкалам (не 5-балльным, а 7- и 9-балльным). В нашей практике были случаи преодоления легких форм уклонения посредством обращения к 11-балльной шкале при работе с выборками государственных служащих. Но даже и такая «предельно» дифференцированная шкала в нашем опыте позволяла выявлять особенности разных групп молодых и низкостатусных служащих, но оказалась недостаточной для изучения предпочтений лиц, занимающих высшие должностные позиции в органах государственной службы. Другими словами, одно лишь увеличение интервала оценки не позволяет решать все задачи; одномерными измерениями что-то важное не «схватывается», «ускользает».

Обобщая наш опыт и опыт коллег (опыт в широком смысле – как «опыт» [Знаков, 2017; Лекторский, 2001]), можно резюмировать, что даже в сравнительно небольших, «одноактных», поисковых, пилотажных исследованиях целесообразно комбинировать разные варианты дифференцированных оценок, менее подверженных искажениям (усреднению, социальной желательности и пр.), комбинируя разные системы оценок, самооценок, экспертных оценок. К таким вариантам отнесем комбинации весовых долей с произвольной детализацией (в интервале 0,00-1,00: 0,10, 0,15, 0,25, 0,33 и т. п.), принудительных выборов из пары утверждений и др.

2.2. Сложности прямого взаимодействия с группами обследуемых

Новой реальностью в полевых исследованиях становится участие посредника – администратора (работника отдела кадров, департамента развития персонала, начальника подразделения), берущего на себя функции инструктирования, диагностики и сбора материала, но при этом не выступающего ни инициатором НИР или НПП, ни даже заинтересованным лицом. В таких ситуациях мы не управляем процессом от начала до его завершения – не знаем, как инструктируют людей, как им доносят цели исследования, как реагируют посредники на ошибки обследуемых, на их отказы; что обещают в плане обратной связи. Ввиду того, что варианты психодиагностики вне естественного контакта и взаимодействия психолога и обследуемого (варианты онлайн-диагностики и пр.) становятся своеобразной «нормой», рассмотрим более обстоятельно типичные случаи.

Наиболее концентрированно этот тип ситуаций НИР в нашем опыте проявился в следующем. Генеральный директор 4-х промышленных предприятий одного из регионов РФ проявили заинтересованность в изучении «*факторов повышения производительности труда*». Были составлены списки сотрудников (руководителей среднего и низового звена управления, инженеров), подлежащих психодиагностике. Предполагалось изучение их личностных особенностей, особенностей стиля делового общения, распределения функций управления «по вертикали» и др. Неожиданным для нас оказалось следующее: 1. Психологов не допустили к прямому взаимодействию с обследуемыми. 2. Администрацией был предложен вариант онлайн-диагностики при посредничестве со стороны работников отдела кадров. 3. Диагностика, согласно договоренности, проводилась трижды в продолжение 1,5 лет. 4. В первый раз в психоди-

агностике приняли участие около 80 % заявленного списка сотрудников, во второй – порядка 65 %, в третий – 50 %. 5. Имело место некоторое смещение данных, полученных в первом, втором и третьем обследованиях. 6. Имело место смещение социально-демографических характеристик сотрудников, полученных в первом, втором и третьем обследованиях. 7. Последовательное смещение проявлялось как большая представленность в выборках женщин, а также лиц, занимающих более низкие должностные позиции, с медленным карьерным продвижением, более продолжительное время работающих на предприятии (то есть более лояльными оказывались представители одних социальных группы, менее – других). 8) На всех четырех предприятиях ситуации проведения НИР повторялись.

При этом сотрудники отделов кадров доброжелательно проводили нас по цехам, показывали ключевые участки технологии работ, объясняли, отвечали на наши вопросы, позволяли переговаривать с сотрудниками на их рабочих местах. То есть нам можно было смотреть и спрашивать, задавать прямые вопросы и получать ответы, видеть и фиксировать все, представляющееся потенциально важным. Принимая во внимание, что в обследовании возростала доля определенных категорий работников и снижалась доля других, актуальными оставались задачи восстановления полноценности эмпирических данных. Вопросами, требующими ответа, оставались следующие – можно ли как-то а) «вычислить» возможные данные уклонившихся сотрудников; в) «интегриро-

вать» разнородные данные, которые мы получали посредством наблюдения и беседы; с) «экстраполировать» полученные данные в отношении всего трудового коллектива, – в плане решения поставленных задач (изучении «*факторов повышения производительности труда*»), в отношении предприятия в целом?

Прежде всего, представляется возможным интегрировать с литературным материалом наших наблюдений (например, из состава компонентов «идеального предприятия» – назовем это «идеальный эмпирический объект» – ИЭО по В. С. Степину [Степин, 2000] «вычесть» то, что явно недостает на данном предприятии – «реальном эмпирическом объекте» – РЭО). Таким же вспомогательным приемом может стать структурное интервью: задавая прямые закрытые вопросы (да/нет), можно быстро получить «срезы» по всем социальным группам. Наиболее сложным, но приемлемым в этой триаде методов представляется вариант «компенсации» или «экстраполяции» имеющихся данных на недостающие – уклонившихся, саботирующих сотрудников. Иначе, имея данные тех, кто отвечал лояльно, зная пропорции уклонившихся, а также пороги смещения данных диагностики в сторону более лояльных, можно восстанавливать недостающие.

Подход с интеграцией данных трех видов представим как «систему уравнений» (в том числе уравнений множественной регрессии, отражающих зависимости между группами числовых переменных и позволяющих получать недоступные переменных, предположительно их вычислять).

$$\begin{cases} y_1 = f(\text{ИЭО} - \text{РЭО}) \\ y_2 = f(x_1, x_2, x_p) \\ y_3 = \sum (A \in a \vee b + B \in c \vee d + C \in e \vee f + \dots + Z \in n \vee m) \end{cases}$$

$$Y = \int (y_1, y_2, y_3)$$

Так, первую группы вычислений можно представить как сопоставление (вычитание) литературных описаний состава социальных объектов (в нашем случае – профессии, специализации, рабочего места) [Толочек, 2020] и наблюдаемого их состава на данном предприятии. Соответственно, эти расхождения «должного» (ИЭО) и действительного (РЭО) можно представить как $y_1 = f(\text{ИЭО} - \text{РЭО})$, где y_1 – зависимая переменная; ИЭО – РЭО – различия между характеристиками идеальных эмпирических и реальных объектов (то есть между тем, что должно быть для полноцен-

ного функционирования объекта, и тем, что представлено в реальном объекте «здесь и теперь»).

Вторую группу вычислений могут представить уравнения множественной регрессии (одни группы эмпирик мы получили, их изменения в разных группах обследуемых наблюдаемы и проявились как тенденции; причинно-следственные отношения можно формализовать и довольно точно расчитать) по формуле типа $y_2 = f(x_1, x_2, x_p)$, где y_2 – зависимая переменная (результативный признак); x_1, x_2, x_p – независимые переменные (факторы; результаты, полученные в первой выборке,

второй и др., или при первом, втором и последующих обследованиях).

Третью группы вычислений можно представить как обобщение данных опросов (организованное по типу структурного интервью с закрытыми вопросами (да/нет) и/или опросников при полиграфическом тестировании: $y_3 = \sum (A \in a \vee v + B \in c \vee d + C \in e \vee f + \dots + Z \in n \vee m)$, где y_3 – сумма «положительных» ответов на закрытые (вопросы: а или в, с или d, е или f и др.).

Итак, ситуацию решения задач, когда, образно говоря, каждый обследуемый в отдельности – «да», а все вместе – «против», можно решать, используя часть известных данных, зная особенности гетерогенных социальных групп, привлекая все доступные для наблюдения материалы. Вероятно, эти данные можно более или менее полноценно формализовать и даже проводить вычисления, дающие приемлемую прогностичность. Не притязая на безупречность формализации, мы лишь обращаем внимание на возможность и необходимость использования разных схем. Напомним, быстрый прогресс информационных технологий (в частности, расширяющиеся возможности оперирования big data) поддерживают наш оптимизм в отношении достаточно структурированных массивов, допускающих перекрестную проверку эмпирических данных на валидность и надежность.

2.3. «Сверхзадачи»: задачи, «нерешаемые» в границах наличного эмпирического материала

Образцом целого класса научных и практических задач служит типичная постановка задачи исследователю в спорте высших достижений (СВД) – сделать прогноз перспективности молодых спортсменов при их переходе во «взрослый» спорт (СВД). Очевидно, что это класс задач с «системой неизвестных»: достижения в юношеском и юниорском разряде определяются не только одаренностью спортсмена, но и темпами его физического и психического созревания, профессионализмом тренера и отработанностью педагогических технологий, статусом региональной и национальной «школы» в данном виде спорта и мн. др. Но наибольшая сложность такой «сверхзадачи» заключалась том, что крайне незначительная часть юных и молодых спортсменов (не более 5 %) в последующем имеют высокие достижения во «взрослом» спорте. Вероятно, это общая закономерность в отношении разной выраженной одаренности детей и юношей и последующей их социальной успешности [Панов, 2014; Ушаков, 2011; Юревич, 2010].

Аналогичными задачами могут выступать прогнозы профессиональной карьеры выпускников военных училищ (не все молодые лейтенанты станут выдающимися полковниками, начальниками штабов, командующими округов и родов войск, крупными специалистами); выпускников вузов (не все отличники учебы становятся руководителями производства, крупными специалистами, учеными). Вариантом решения таких задач может стать способ «умножение объектов / разделение предмета исследования». В нашем случае обобщалось три массива сходных по содержанию эмпирик – данных обследования членов молодежной сборной команды страны по дзюдо, молодежной сборной по вольной борьбе, членов «взрослой» сборной по вольной борьбе. В организации их стилей борьбы выделялись и различались особенности структуры стиля в целом и его подструктур (трех частей системы). Ретроспективно (через 25-30 лет) с привлечением экспертов восстанавливались спортивные биографии борцов.

Ввиду того, что виды спорта были сходными (как социальные объекты), а результативность представителей разных видов борьбы и возрастных групп различалась, ключевыми критериями прогноза успешности субъектов оказались мера сходства, подобия трех подструктур стиля между собой и со структурой стиля в целом (то есть критерием была мера самоподобия структур). Мера сходства-различия структур и подструктур в пределах тесноты корреляций 0,100-0,200 «отражалась» в 6-8-кратном различии числа медалей, полученных борцами на крупных международных турнирах (Олимпийских Играх, чемпионатах мира и Европы) [Толочек, 2015]. Остается добавить, что убедительное решение было найдено через 30 лет, хотя большая часть эмпирик была доступна для изучения на момент постановки задачи.

Итак, способом успешного решения этого типа задач может быть подбор не менее трех объектов, сходных по их атрибутивным свойствам, деление каждого объекта на 2-3 части, сопоставление частей одного и разных объектов между собой (структур и подструктур стилей и т. п.). Условно эти операции можно формально представить как систему уравнений (где А, В, С – разные объекты; $1/n A$, $1/n B$, $1/n C$ – анализируемые части объектов):

$$\begin{cases} y_1 = \sum (A \approx B \approx C) \\ y_2 = 1/n A \approx 1/n B \approx 1/n C \\ y_3 = 1/n A \equiv A, 1/n B \equiv B, 1/n C \equiv C \\ Y = \int (y_1, y_2, y_3) \end{cases}$$

2.4. «Сверхзадачи»: задачи, «не решаемые» в границах актуального времени

Лонгитудные исследования в нашей культуре проводятся крайне редко, как и «срезовые». Разные варианты мониторинга организационно и технологически более доступны, но и этой возможностью мы пренебрегаем. Но то, что не было достаточно проявлено при однократном обследовании, нередко проявляется при повторных. Многие сущностные свойства, фазы стабильных и переходных состояний объектом сравнительно легко выявляются при серийных обследованиях. Так, например, в СВД достаточно хорошо изучена динамика прироста результатов спортсмена в зависимости от возраста, пола, стажа занятий видом спорта [Толочек, 2015; Шапошникова, 1984]. Следовательно, можно предполагать, что каждая отдельная ситуация (социальный объект исследования, заданный в рамках определенного контекста, например, как в рассматриваемом выше случае, молодые спортсмены, воспитанники конкретных тренеров, проживающие в конкретном регионе, уровень конкуренции в виде спорта, в данной весовой категории и др.), могут надежно вычисляться, например, посредством уравнений множественной регрессии: $Y = f(A t_1, A t_2, A t_3, A t_i)$.

Еще одним вариантом разработки «сверхзадач» может стать широкое привлечение *квазиизмерений* (то есть эмпирических данных, замещающих другие, в наличных условиях труднодоступных – например, самооценок на экспертные оценки, и наоборот; данные «срезов» на оценки прогноза эволюции объекта и т. д.) [Толочек, 2011]. Потенциал квазиизмерений значительно возрастает при привлечении к анализу дополнительных, косвенных данных, получаемых как на стадии сбора материала, так и позже, при подготовке данных для анализа. Квазиизмерения можно рассматривать и как вариант решения задач в оппозиции «действительное – возможное» [Знаков, 2020].

Реальные выборки обследуемых обычно гетерогенны. Пол, возраст, опыт работы, статус в организации и в рабочих группах и пр., как правило, «накладывают печать» на все акты организационного поведения и деятельности человека. После ввода эмпирических данных в общую базу можно видеть те или иные «неровности» матриц, обусловленных как обычно отсутствием нормального распределения эмпирик в контактных социальных группах, так и гетерогенностью групп по ряду признаков. Эти особенности реальных выборок требуют пристального внимания ученого; они

должны становиться предметом исследования [Калугин, 2019], а не теряться в общих массивах, не затеняться, не затираются малоинформативными корреляциями и «сжатием пространства переменных».

3. Методы и методология полевых исследований как научная и научно-практическая проблема

Еще раз суммируем ключевые составляющие обсуждаемой нами проблемы: преобладание простых схем НИР; большая доля исследований на выборках учащихся (маскирующих сложности взаимодействия исследователя и обследуемых), изменяющийся менталитет людей; усложнение доступа к прямому и гибкому взаимодействию ученого и сотрудников крупных организаций; прямые требования и латентные ожидания быстрого проведения НИР и предоставления его результатов; отдельный пласт составляет проблема объяснений в психологии. Историческое смещение состояний социальных объектов, представлений социального запроса, условий проведения исследований должно поддерживаться соответствующим продвижением методологии дисциплины.

Актуализация и возрастающая роль множества условий, заявляющих о себе «здесь и теперь», названных нами «*ситуация*», создают качественно иные условия и новые возможности планирования и проведения научных исследований. Феномен и понятие «*ситуация*» не является нашим открытием. Этот феномен взаимодействия людей в процессах типовой психодиагностики обсуждается психологами с середины XX в. В разных контекстах, по разным причинам эта тема неоднократно заявляла о себе в разных научных традициях, в отношении разных задач: «форма единства человека и среды описывается в терминах «*ситуация*» (Д. Магнуссон), «жизненное пространство» (К. Левин) или «мир» (С. Л. Рубинштейн). *Объект-ситуация* или объект-мир «...выражает способ объединения разноплановых сил в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежат субъекту. ... Субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему. *Объект-ситуация* или объект-мир становится главной альтернативой объекту-вещи.... В отличие от объекта-вещи, объект-мир не дается заранее и до завершения ... акта остается неопределенным» [Барабанщиков, 2012, с. 22]; (здесь и далее курсивом выделено нами. – В. Т.). Если к этим весомым констатациям добавить несколько «уточнений»: в подавляющем большинстве актов

в системе «человек – мир» участвует не один единственный, изолированный от мира субъект, а несколько; это процессы актуального взаимодействия людей; процессы взаимодействия людей происходят в уже организованном или активно реорганизуемом социальном пространстве; взаимодействия разных людей инициируются разными мотивами, ценностями, смыслами, воплощаемыми в конкретных целях, то необходимо признать, что в этих процессах «цементирующая роль и инициатива» принадлежат отнюдь не одному субъекту, а всем, многим или нескольким субъектам, далеко не всегда содействующим достижению целей другого [Поддьяков, 2014].

В. И. Панов, обсуждая проблемы одаренных детей, резюмирует: «Единицей анализа развития одаренного ребенка должна выступать *ситуация развития* как система...»; «имея опыт в решении трудных проблем и *ситуаций познавательного характера*, одаренные дети ... не получают опыта в решении *ситуаций социального характера*» [Панов, 2017, с. 45, 49]; последовательно рассматривая «каскады» ситуаций развития/разрушения, ученые прибегают к понятиям «*ситуации познавательного характера*», «*ситуации социального характера*», «*трудные жизненные ситуации*», «*критические ситуации*» [Панов, 2015].

Ситуации взаимодействия людей не сводятся лишь к координации «векторов» их активности. Так, в совместной профессиональной деятельности имеет место феномен асимметрии предпочтения личностных и профессионально важных качеств (ПВК) партнера, то есть для профессионалов более важно, чтобы в *ситуациях взаимодействия* другие субъекты имели несколько иные паттерны качеств [Толочек, 2020]. Другими словами, реальная совместная профессиональная деятельность субъектов есть *ситуации дополнения, достраивания «целого»* в границах взаимодействия и в возможностях двух и более взаимодействующих субъектов. То есть всегда есть нечто, интуитивно или осознанно добавляемое субъектом до завершенности некоторого целого, того целого, которое мы, исследователи, в лучшем случае тоже достраиваем, но уже по своим особым, ранее концептуально оформленным схемам (следовательно, не всегда адекватных для изучения явлений «здесь и теперь»).

Онтологически «ситуации» представляют собой континуум актуализированных «единиц» реальности – от упрощенных и рафинированных условий лабораторных экспериментов до предельных – жестких «трудных жизненных ситуа-

ций». Концептуально под «ситуациями» нужно понимать не только лишь последовательности комплексов условий, которые должно с большей или меньшей полнотой рассматривать в наших анализах; «ситуации» есть не только лишь отражение сложных отношений социальных объектов в системах «субъект – среда (окружение)»; «ситуации» есть отражения многомерности состояния, функционирования и эволюции реальных эмпирических объектов. В связи с этим функции сложных схем НИР состоят в воссоздании многомерной сложной реальности – «ситуации», тогда как следствием использования простых схем становится предельное упрощение научной экспликации состояний обследуемых объектов и их отношений с окружением, по существу – отказ в признании за ними системных свойств (как интрасистемных, интерсистемных, так и метасистемных связей с окружением).

Еще раз акцентируем несколько важных аспектов: феномен «ситуация» существует как множество «ситуаций» – разных сочетаний взаимодействующих условий социальной макро-, мезо и микросреды; в формировании таких «ситуаций» может участвовать прямо и косвенно множество людей; процессы и эффекты таких «ситуаций» по-разному проявляются в течение времени. «Ситуация» есть своего рода голограмма фрагмента реальности, часть фрактала его организации. Соответственно, «ситуация» должна рассматриваться как ключевое звено в технологии познания свойств фрагментов социальной действительности, в том числе – в понимании возможных траекторий их эволюции [Знаков, 2020]. Феномен «ситуация» есть тот фрагмент реальности, который нам нужно непременно адекватно восстановить, воссоздать, воспроизвести, иногда даже восполнить в процессах изучения и описания фрагмента социальной действительности. Его изучение предполагает переход к новым «системам координат» описания. Его операциональная разработка требует обращения к новым ресурсам методологии, методического инструментария и понятийного аппарата, в том числе того, что предполагается и требуется при следовании постнеклассической парадигме.

Пожалуй, все ведущие ученые признают необходимость развития методологии дисциплины, отмечают первостепенную актуальность такой работы, ее сложность, определяемую не только и не столько собственными дисциплинарными проблемами [Ананьев, 2001; Рубинштейн, 1999; др.]. Остро и радикально эти вопросы сформулировал

А. В. Юревич: «Психология... оказавшись в наиболее “горячей точке” взаимодействия различных метадигм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественнонаучности и традиционной – позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие этого кризиса имеют социальные корни...» [Юревич, 1999, с. 10].

Эволюцию методов и методологии дисциплины, сопряженную и порождаемую самими процессами научных поисков, отмечал еще С. Л. Рубинштейн: «Каждый метод, чтобы стать действительным средством научного исследования, должен *явиться сначала результатом исследования*» [Рубинштейн, 1999, с. 53]. Другими словами, методы возникают (открываются, разрабатываются, заимствуются), формируются и вызревают в процессах проведения научной работы, в процессах поиска решений «сверхзадач». Колоссальный багаж знаний, техник и правил организации научной работы, созданный и накопленный предшественниками, остается нашим достоянием. «Методологические работы классиков советской психологической науки никоим образом не утратили своего значения» [Мазилев, 2017, с. 163]. Но мы уже не можем жить исключительно на этих дивидендах. «...Методология психологической науки ... не является устоявшейся, сформировавшейся теорией. ... методология психологии представляет собой совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т. д., и в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты. И если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. ...методология психологии имеет конкретно-исторический характер» [Мазилев, 2017, с. 173]. Примечательно, что далее ученый выделяет моменты взаимодействия формализованного и неформализованного в науке – «опредмеченную проблему», «предтеорию», «метод (включающий три уровня: идеологический, предметный и процедурный)» [Мазилев, 2017, с. 260].

И если ранее в качестве надежных опор структурирования дисциплины, ее методологии и технического арсенала выступали, прежде всего,

«методы», то теперь, наряду с ними, важную роль должны играть новые составляющие теоретического знания. В их числе должны оказаться понятия «ситуация», «взаимодействия», «пространство», «среда (окружение)» как отражающие моменты динамичности фрагментов социальной действительности, зависимости эволюции дисциплины от ряда условий, ранее не артикулируемых, но иногда акцентируемых в процессе поиска исследователями. Интуитивные догадки, решения, «поправки» на обстоятельства «здесь и теперь», спонтанные находки исследователей могут и должны становиться предметом последовательной методологической рефлексии. (К слову, в нашем опыте в отдельных случаях решения принимались в продолжение 2-3 дней, иногда – 2-3 недель; в других – на поиск и нахождение оптимального варианта уходило до 20-30 лет. Согласимся, что несколько десятилетий между постановкой актуальной задачи и нахождением варианта ее решения – слишком долгий интервал для социальных наук.)

Заключение

Обсуждаемая проблема – нарастающие сложности проведения НИР в современных организациях, сохраняющийся разрыв между академической психологией и психологической практикой, – как актуальная научная и шире – социальная проблема – имеет, скорее, исторически общий характер [Васильева, 2020; Ones, 2017]. В продолжение последних двух десятилетий мы наблюдаем негативную динамику отношения персонала крупных организаций к научным исследованиям. Если еще в конце 1980-х гг. при проведении нами НИР на крупных промышленных предприятиях все работники – от рядового инженера до руководителей высшего звена – прилежно заполняли бланки, с интересом относились к аппаратурным методикам, живо интересовались их результатами, то уже в конце 2000-х в крупных коммерческих компаниях сотрудники крайне неохотно взаимодействовали с исследователями. И если в регионах эти процессы еще слабо заявляли о себе, то в крупных городах, особенно в столице, они стали устойчивым явлением уже в «нулевых».

Затронутая проблема – сопряженность эволюции социальных объектов, форм социального запроса, методического и методологического арсенала социальных наук – перманентно актуальна. Более конкретно в совокупности частных аспектов мы определили ее как «методология и методы полевых исследований». В психологии, при проведении полевых НИР (как и в медицине, и в

других дисциплинах, реализующих принцип единства теории, эксперимента, практики), важными составляющими должны стать «чувство реальности», «чувство предмета», «видение ситуации» исследователя («личностное знание», по М. Полани, или более привычное понятие – «искусство» в его противопоставлении «ремеслу»); умение исследователя в «хаосе», в переплетении общего, особенного, единичного искать и находить взаимосвязи, объясняющие отдельные фрагменты социальной действительности и далее по возможности восстанавливать целостную картину изучаемой действительности. Но это искусство должно активно поддерживаться профессиональными технологиями, в частности – методологией дисциплины, открытой актуальному «опыту» ученого. «Методология должна быть методологией “снизу”. ... Методологические положения должны идти ... от проведения психологических исследований, от опыта и обобщений самой психологической науки» [Мазиллов, 2017, с. 10]; «выход за пределы изучаемой системы при ее объяснении не только неизбежен, но и необходим в любой науке, являясь основой углубления объяснений» [Юревич, 2006, с. 102].

Ключевой компонент, вводимый нами для объяснения и учета роли новых актуальных условий проведения НИР – «ситуация», хорошо согласуется с концепциями отечественных методологов и дополняет их. Так, А. В. Юревич к структурным элементам психологического знания относит базовые «идеологии» и системы методологических принципов, категории, теории, законы, обобщения, объяснения и интерпретации, прогнозы, факты и феномены, контексты (проявлений фактов и феноменов), корреляции между феноменами, описания, методики, технологии, знания из смежных наук [Юревич, 2010]. В этой схеме, центрированной исключительно на исследователе, выделяемая нами «ситуация» может занимать несколько позиций после «законов» (неоднократно, на разных этапах НИР привлекать к себе внимание ученого ввиду ее уникальных контекстов, динамичности и вариативности, представляющей НИР не как одноактный и «однозначный» шаг к истине, а как процесс «извлечения знания» из самой динамики эволюции социальных объектов). Согласно В. А. Мазиллову, «схема включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, опредмеченная проблема, предтеория, метод ... эмпирический материал, объяснение... теория как результат исследования» [Мазиллов, 2017, с. 260]. «Ситуация» есть акты реаль-

ного взаимодействия субъекта и объекта (в нашей практике субъекта и субъекта); есть «живая клеточка», в которой, с одной стороны, соединяются намерения ученого, с другой – реальные эффекты функционирования социальных объектов в их актуальных состояниях; есть «клеточка», в которой и порождается само знание в циклах повторяющихся взаимодействий людей и их эффектов – «пред-ставление 1 – ситуация 1» – «пред-ставление 2 – ситуация 2» «пред-ставление 3 – ситуация 3» – «...» – «...».

Акцентируемое нами понятие «ситуация» также отвечает логике третьего типа рациональности (по В. С. Степину [Степин, 2000]). Объяснения и описания ученого, согласно классическому типу рациональности, признаются научными, объективными, когда в цепочке «субъект – средства (операции) – изучаемый объект» все сосредоточено только на объекте, когда исключено, элиминировано все иное. Неклассический тип акцентирует связи знания об объекте и характера средств субъекта, оперирующего с объектом. Третий тип, постнеклассический, требует расширения пространства рефлексии ученого об условиях и процессах его деятельности, учета связи получаемых знаний об объекте с используемыми ученым научными инструментами, а также – с ценностно-целевыми составляющими его деятельности.

В таких констатациях мысль методологов поэтапно продвигается ко все более широким контекстам, сопряженным с познанием фрагментов действительности. Естественным и логичным шагом будет уточнение статуса «объекта» исследования или более радикально – замена «объекта» на «субъекта» – фрагмента социальной действительности, выступающего предметом исследования в гуманитарных дисциплинах. В связи с этим признание активности субъекта не только за ученым, не только за концептом и методологическим принципом, но и за другими людьми, выступающими для ученого «объектами» исследования, правомерно и отвечает логике постнеклассической рациональности (постнеклассической парадигме). Выделяемое нами понятие «ситуация» отражает действенность принципов детерминации, развития, единства сознания и деятельности, системности; признание активности субъекта – не только исследователя, но и другого (с ним взаимодействующего, выступающего в роли обследуемого, но при этом также субъекта), есть признание более широкого смысла наших принципов. Ни один из участников НИР не является пассивным, объектом; каждый участник взаимодействия субъек-

ектов есть субъект. Время «научных монологов» заканчивается, нам нужно учиться стратегиям диалога.

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 272 с.
2. Барабанщиков В. А. Принцип системности в психологической науке // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 1 / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. Москва : Институт психологии РАН, 2012. С. 17-26.
3. Васильева И. И. Формальное и неформальное: опыт управленческого консультирования в «застойной» экономике // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 207-224.
4. Знаков В. В. Психология человеческого бытия / В. В. Знаков, З. И. Рябикина. Москва : Смысл, 2017. 416 с.
5. Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. Москва : Институт психологии РАН, 2020. 257 с.
6. Лекторский В. А. Опыт // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Москва : Мысль, 2001. Т. 3. С. 158-159.
7. Панов В. И. Экопсихологический подход к развитию одаренности // Психология одаренности и творчества / под ред. Л. И. Ларионовой, А. И. Савенковой. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. С. 37-51.
8. Панов В. И. Критические ситуации в жизни особо одаренных детей / В. И. Панов, Т. В. Хромова // Педагогика. 2015. № 1. С. 40-46.
9. Подьяков А. Н. Комплитология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 278 с.
10. Мазилев В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
11. Мазилев В. А. Объяснение в психологии // Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья первая. Трудности объяснения // Высшее образование сегодня. 2020а. № 6. С. 69-76. DOI: 10.25586/RNU. NET. 20.06.P. 69
12. Мазилев В. А. Объяснение в психологии // Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья вторая. На пути к разработке новой концепции объяснения // Высшее образование сегодня. 2020б. № 7. С. 50-65. DOI: 10.25586/RNU. NET. 20.07.P. 59
13. Калугин А. Ю. О некоторых методических аспектах исследования индивидуальности человека // Психология. Психофизиология. 2019. Т. 12. № 2. С. 29-40. DOI: 10.14529/jpps190203
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург : Питер, 1999. 720 с.
15. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
16. Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. Москва : Институт психологии РАН, 2015. 366 с.
17. Толочек В. А. Психология труда. 3-е изд. доп. Санкт-Петербург : Питер, 2020а. 480 с.
18. Толочек В. А. Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Часть 1 // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 69-79. DOI 10.20323/1813-145X-2021-2-119-69-79
19. Ушаков Д. В. Психология интеллекта и одаренности. Москва : Институт психологии РАН, 2011. 464 с.
20. Шапошникова В. И. Индивидуализация и прогноз в спорте. Москва : Физкультура и спорт, 1984. 158 с.
21. Юревич А. В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3-12.
22. Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 97-106.
23. Юревич А. В. Методология и социология психологии. Москва : Институт психологии РАН, 2010. 272 с.
24. Carifio J. & Perla R. Ten Common Misunderstandings, Misconceptions, Persistent Myths and Urban Legends about Likert Scales and Likert Response Formats and their Antidotes. Journal of Social Sciences, 2, 106-116.
25. Jamieson S. Likert scales: how to (ab)use them. Medical Education, 38, 1212-1218.
26. Liddell T. M., & Kruschke J. K. (2018). Analyzing ordinal data with metric models: What could possibly go wrong?. Journal of Experimental Social Psychology, 79, 328-348.
27. Likert R. The Human Organization: Its Management and Value. N. Y.: McGraw-Hill, 1967.
28. Lubke, Gitta H.; Muthen, Bengt O. Applying Multigroup Confirmatory Factor Models for Continuous Outcomes to Likert Scale Data Complicates Meaningful Group Comparisons. Structural Equation Modeling, 11, 514-534.
29. Ones D. S., Kaiser R. B., Chamorro-Premuzic T., Svensson C. Has Industrial-Organizational Psychology Lost Its Way? // Industrial-Organizational Psychologist. V. 54 (4). 2017. P. 67-74.

Reference list

1. Anan'ev B. G. O problemah sovremennogo chelovekoznanija = About the problems of modern human consciousness. Sankt-Peterburg : Piter, 2001. 272 s.
2. Barabanshnikov V. A. Princip sistemnosti v psihologicheskoy nauke = The principle of systematicity in psychological science // Razvitie psihologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznanija. Chast' 1 / отв. red. A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'cova. Moskva : Institut psihologii RAN, 2012. S. 17-26.

3. Vasil'eva I. I. Formal'noe i neformal'noe: opyt upravlencheskogo konsultirovanija v «zastojnoj» jekonomike = Formal and informal: management consulting experience in «stagnant» economy // Organizacionnaja psihologija. 2020. T. 10. № 3. S. 207-224.
4. Znakov V. V. Psihologija chelovecheskogo bytija = Psychology of human being / V. V. Znakov, Z. I. Rjabikina. Sankt-Peterburg : Smysl, 2017. 416 s.
5. Znakov V. V. Psihologija vozmoznogo: Novoe napravlenie issledovanij ponimaniya = Psychology of the possible: A new direction of understanding research. Moskva : Institut psihologii RAN, 2020. 257 s.
6. Lektorskij V. A. Opyt = Experience // Novaja filosofskaja jenciklopedija : v 4 t. Moskva : Mysl', 2001. T. 3. S. 158-159.
7. Panov V. I. Jekopsihologicheskij podhod k razvitiyu odarennosti = Ecopsychological approach to the development of giftedness // Psihologija odarennosti i tvorchestva / pod red. L. I. Larionovoj, A. I. Savenkovej. Moskva ; Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2017. S. 37-51.
8. Panov V. I. Kriticheskie situacii v zhizni osobo odarennyh detej = Critical situations in the lives of extra gifted children / V. I. Panov, T. V. Hromova // Pedagogika. 2015. № 1. S. 40-46.
9. Podd'jakov A. N. Komplitologija: sozdanie razvivajushhih, diagnostirujushhih i destruktivnyh trudnostej = Complitology: creating developmental, diagnostic and destructive difficulties. Moskva : Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2014. 278 s.
10. Mazilov V. A. Metodologija psihologicheskoy nauki: istorija i sovremennost' = Methodology of psychological science: history and modernity. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. 419 c.
11. Mazilov V. A. Ob#jasnenie v psihologii. Predmet psihologicheskoy nauki i problema ob#jasnenija v psihologii. Stat'ja pervaja. Trudnosti ob#jasnenija = Explanation in psychology. Subject of psychological science and problem of explanation in psychology. Article one. Difficulties of explanation // Vysshee obrazovanie segodnja. 2020a. № 6. S. 69-76. DOI: 10.25586/RNU. HET. 20.06.P. 69
12. Mazilov V. A. Ob#jasnenie v psihologii. Predmet psihologicheskoy nauki i problema ob#jasnenija v psihologii. Stat'ja vtoraja. Na puti k razrabotke novej koncepcii ob#jasnenija = Explanation in psychology. The subject of psychological science and the problem of explanation in psychology. Article two. Towards a new concept of explanation // Vysshee obrazovanie segodnja. 2020b. № 7. S. 50-65. DOI: 10.25586/RNU. HET. 20.07.P. 59
13. Kalugin A. Ju. O nekotoryh metodicheskikh aspektah issledovanija individual'nosti cheloveka = On some methodological aspects of human individuality research // Psihologija. Psihofiziologija. 2019. T. 12. № 2. S. 29-40. DOI: 10.14529/jpps190203
14. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshej psihologii = Fundamentals of general psychology. Sankt-Peterburg : Piter, 1999. 720 s.
15. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaja jevoljucija = Theoretical knowledge: structure, historical evolution. Sankt-Peterburg : Progress-Tradicija, 2000. 744 s.
16. Toloček V. A. Stili dejatel'nosti: resursnyj podhod = Activity styles: Resource approach. Moskva : Institut psihologii RAN, 2015. 366 s.
17. Toloček V. A. Psihologija truda = Psychology of labor. 3-e izd. dop. Sankt-Peterburg : Piter, 2020. 480 s.
18. Toloček V. A. Metody i metodologija polevyh issledovanij: otkrytye voprosy. Chast' 1 = Field research methods and methodology: open questions. Part 1 // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021. № 2 (119). S. 69-79. DOI 10.20323/1813-145H-2021-2-119-69-79
19. Ushakov D. V. Psihologija intellekta i odarennosti = Psychology of intelligence and giftedness. Moskva : Institut psihologii RAN, 2011. 464 s.
20. Shaposhnikova V. I. Individualizacija i prognoz v sporte = Individualization and forecast in sports. Moskva : Fizkul'tura i sport, 1984. 158 s.
21. Jurevich A. V. Sistemnyj krizis v psihologii = Systemic crisis in psychology // Voprosy psihologii. 1999. № 2. S. 3-12.
22. Jurevich A. V. Ob#jasnenie v psihologii = Explanation in psychology // Psihologicheskij zhurnal. 2006. T. 27. № 1. S. 97-106.
23. Jurevich A. V. Metodologija i sociologija psihologii = Methodology and sociology of psychology. Moskva : Institut psihologii RAN, 2010. 272 s.
24. Carifio J. & Perla R. Ten Common Misunderstandings, Misconceptions, Persistent Myths and Urban Legends about Likert Scales and Likert Response Formats and their Antidotes. Journal of Social Sciences, 2, 106-116.
25. Jamieson S. Likert scales: how to (ab)use them. Medical Education, 38, 1212-1218.
26. Liddell T. M. & Kruschke J. K. Analyzing ordinal data with metric models: What could possibly go wrong? Journal of Experimental Social Psychology, 2018, 79, 328-348.
27. Likert R. The Human Organization: Its Management and Value. N. Y.: McGraw-Hill, 1967.
28. Lubke, Gitta H.; Muthen, Bengt O. Applying Multigroup Confirmatory Factor Models for Continuous Outcomes to Likert Scale Data Complicates Meaningful Group Comparisons. Structural Equation Modeling, 11, 514-534.
29. Ones D. S., Kaiser R. B., Chamorro-Premuzic T., Svensson C. Has Industrial-Organizational Psychology Lost Its Way? // Industrial-Organizational Psychologist. V. 54 (4). 2017. P. 67-74.